

Архиепископ Иоасаф (Скородумов, 1888-1955)

Содержание:

Жизнь Архипастыря.

Детство. Годы ученья. Постриг и первые шаги молодого монаха. Из жизни в Полтаве. Последние дни в России.

Эмиграция в Европе.

Югославия (1920- 1929). Монастырь Вратна. Гимназия в Герцеговине. Донской Кадетский Корпус Императора Александра III-го в Горажде. Свидетельства М. М. Хрисаногова об Архим. Иоасафе. Приглашение в Канаду и Хиротония во Епископа. Речь Епископа Иоасафа при наречении (в сокращённом виде). Канада (1929-1951). Аргентина (1951-1955). Воспоминания пасомых. Последние дни Владыки.

Слова Владыки в памяти пасомых.

Два рассказа Владыки. Архимандрит Константин вспоминает о Владыке Иоасафе.

Жизнь Архипастыря.

Детство.

Владыка Архиепископ Иоасаф родился в селе Ребовичи, Тихвинского уезда, Новгородской губернии, 14/26 января 1888 года и при святом Крещении получил имя Св. Иоанна. Родителями его были священник этого села о. Василий Скородумов и Феодосия Михайловна, в девичестве Качалова. Он был на три часа старше своей сестры — близнеца. Им как детям полей и лесов, дали имена полевых цветов — “Иван да Марья.” Было у него и два брата: первый — старше на три года, умерший в 1942 году во время блокады немцами Петрограда, и второй — младше на два года, умерший двенадцатилетним мальчиком. В живых осталась только сестра Мария, живущая в Петрограде. Семья лишилась матери, когда близнецам было по пяти лет, и постепенно все хозяйственные труды и заботы о семье легли на маленькую Марию. Семья скромного сельского человека жила среди красивой русской северной природы, вблизи озера и леса. Она была очень дружна, все любили друг друга, дети боготворили отца, который был с ними очень счастлив. Маленький Ванюша был общим любимцем. Он был очень живым ребёнком, иногда любил пошалить, но был послушным и услужливым. С раннего детства отличался большой религиозностью и старался посещать каждое Богослужение, прислуживая в церкви. Со старшим братом его связывали, кроме братской любви, также узы дружбы и товарищества. Для Ванюши старший брат был большим авторитетом, коноводом и вдохновителем детских игр и забав. Летом, во время каникул, они вместе ходили в лес за

грибами и ягодами, рыбную ловлю, часто по целым дням пропадая на озере. “Наловим, бывало, по полной торбе рыбы,” — вспоминал Владыка, — “и отправимся домой, довольные богатым уловом. Дорогою вдруг кому-либо из нас приходила мысль — нести рыбу до самого дома, не переменяя плеча. А до дому идти ещё версты три-четыре. Сначала ничего. Но потом, чем дальше мы идём, тем больше и сильнее тонкая бечёвка, перекинутая через плечо, начинает врезаться в тело, причиняя сильную боль. Затем становится совсем невтерпёж, но мы терпим и ни за что не хотим сдаваться. И когда, наконец, возвращаемся домой, то сами снять наши ноши с плеча уже не в силах. Снимает сестра. На плече от бечевки остаётся глубокая, почти до крови, сине-багровая полоса. Приходит отец и узнав о нашей новой затее, только улыбается и укоризненно качает головой: “...дураки вы дураки!”... А на нашем языке это называлось “подвигом.” “Или вот ещё другой случай. Зимой, во время Рождественских вакансий, за целый день вволю набегавшись и накатавшись на коньках или на салазках, поздним вечером лежим, бывало, в тёплых постелях и долго ещё не спим, о чём-нибудь разговариваем шепотом. И вдруг, кому ни будь из нас приходит неожиданная идея: вот так, как есть, босиком в одних ночных рубашках, в мороз, по снегу быстро-быстро пробежать шагов сто туда и обратно... Но мы это проделывали так, чтобы ни сестра, ни отец не знали,” — смеётся Владыка,” — а не то сильно влетело бы за такой “подвиг”....

Годы ученья.

Когда мальчику Ванюше исполнилось 10 лет, о. Василий Скородумов отправился с сыном в Духовное Училище в город Тихвин. Мальчик блестяще выдержал вступительные экзамены в эту школу и в 1902 году окончил её, получив право поступления в Духовную Семинарию. В этой уже более высокой духовной школе, находившейся в Великом Новгороде, юноша показывает прекрасные успехи, оканчивает её в 1908 году по первому разряду со званием студента семинарии, и её начальством, как один из лучших воспитанников, направляется на казённый счёт в С. Петербургскую Духовную Академию. Выдержав конкурсные экзамены, Иван Скородумов в 1908 году становится студентом Духовной Академии.

Светская жизнь столицы не интересуется юношу, и он отдаётся изучению богословских предметов и церковной жизни, тяготение к чему у него проявилось ещё в Семинарии. Иван Скородумов был богато одарённым юношей. Видимо это было родовым. По семейному преданию, кто-то из его предков при поступлении в Духовное училище за правильные и бойкие ответы на вступительном экзамене получил фамилию Скородумов, вместо обычных среди духовенства фамилий по наименованию церковных праздников, приходского храма, самоцветных камней или цветов. Уже с первого курса мы видим Ивана Скородумова управляющим Академическим студенческим хором. А ведь в Духовную Академию столицы ежегодно направлялся цвет всех Семинарий Российской Империи. Можно предполагать, что он в какой то мере имел влияние на своих товарищей. Это видно хотя бы из случая, рассказанного Владыкой уже в бытность в Аргентине, когда за обедом в его присутствии на кого-то из молодёжи напал “хохотун.” Владыка сам посмеялся и, качая головой, рассказал: “И с нами бывало... Иногда просто искушение ! Вот, помню, готовимся мы, студенты Академии, к причастию, читаем правило; вдруг читающий запинается, “спотыкается” на каком-то слове... Вышло так смешно, что не можем удержаться от смеха. Сменяем чтеца, несколько секунд тишина, потом опять напал “смехун.” Стал читать другой, — повторяется то же. А ведь мы говеть собираемся!

Подходит мой черёд. Читаю. Сначала всё тихо. Потом слышу — начинается. Оборачиваюсь к ним, да как гаркну: — Перестать!... и всё прошло. Вот когда мы на опыте узнали, что такое искушение.

Революционное брожение в 1905-1908 годах захватило некоторые Духовные Семинарии и проникло даже в Академию. “Однажды, по случаю какой-то “революционной даты,” — вспоминал как-то Владыка, — “студенты задумали устроить забастовку и не пошли в классы. Я, как всегда, отправился на занятия. Несколько студентов преградили мне дорогу. — Куда? Сегодня “день труда.” Ты не смеешь идти на занятия.

“Вы говорите “день труда.” Вот я и иду трудиться,” — возразил я и направился к выходу. Меня попытались удержать силой. Тут я не выдержал и засучив рукава, бросил им вызов: — Кто первый? Подходи!

Видя, что я не шучу и зная мою физическую силу, противники мои отступили. Я один явился на занятия.

Входит профессор и спрашивает: — Вы один? А где же эти бараны?

— А я не пастух этим баранам, — отвечаю.

Читайте молитву, — говорит профессор. Прочитал. Посмотрел-подумал профессор — что с ним с одним заниматься? Покачал головой: — Читайте молитву после учения.

— Прочитал и её. Ну теперь идите к себе в комнату. — На том и кончилось.

В Академии студент Скородумов с большим интересом изучал все науки, но особенно любил читать творения Святых Отцов и впитывал своим живым, впечатлительным и восприимчивым умом их учения, советы, наставления. Особенно он восторгался творениями Святителя Иоанна Златоустого: его дух, его стиль были созвучны душе студента. В связи с этим у него произошёл забавный случай. Член экзаменационной комиссии, читавший его письменную работу, с возмущением показывал её Ректору, Епископу Феофану, что, мол, этот студент просто “скатал” с Иоанна Златоустого.

Кто, Скородумов? Быть того не может! Этот такого не сделает! — возразил Ректор, хорошо знавший своего одарённого и любимого ученика и догадавшийся, что Скородумов настолько усвоил писания, почитаемого им Святителя, что невольно стал подражать ему.

Архиепископ Феодосий Бразильский, вспоминая о Владыке Иоасафе, говорит, что он был на один курс ниже Владыки в Санкт Петербургской Духовной Академии, и поэтому очень близко они в то время не сходились. Но помнит, что Владыка Иоасаф, находясь под большим влиянием Ректора Академии Епископа Феофана, впоследствии Полтавского, и под руководством доцента Академии Иеромонаха Вениамина, впоследствии Митрополита, живо участвовал и серьёзно работал в созданном о. Вениамином Златоустовском Кружке, изучавшем творения Святителя Иоанна Златоустого, а также в философском кружке.

Будучи на четвёртом, последнем курсе, Иван Скородумов пишет научную работу на тему: “Монашество по Св. Иоанну Златоусту,” за которую ему по окончании Академии в 1912 году присуждается диплом первой степени — звание кандидата Богословия. Частые беседы молодого студента с Епископом Феофаном, который по своим заслугам был отмечен даже в высших сферах, уже в Духовной Академии определили для студента Скородумова путь, идя по которому ему надлежало строить жизнь и деятельность.

Постриг и первые шаги молодого монаха.

И вот осенью 1912 года молодой кандидат Богословия Иван Васильевич Скородумов из Новгородской губернии пробирается на Волгу, в Рыбинск, а оттуда водным путём в Астрахань, где он до этого времени никогда не был, к Владыке Феофану, занимавшему там в то время епископскую кафедру, чтобы от него принять монашеский постриг. Для предпринимаемого путешествия средства у Скородумова имелись чрезвычайно ограниченные, но билет был оплачен. И когда, ложась спать в последнюю ночь перед прибытием парохода в Астрахань, он подсчитал свои “капиталы,” то их у него оказалось всего несколько десятков копеек. Ночь эту он спал беспокойно, видел во сне, что денег ему хватило в обрез и что в Астрахани он долго ехал на извозчике до Архиерейского подворья, где, чтобы увидеть Епископа Феофана, пришлось идти по двору и по длинным полутёмным коридорам...

Когда на утро, прибыв в Астрахань, он сошёл с парохода и пошёл нанимать извозчика до подворья, то извозчик спросил с него точно ту сумму, какая осталась у него в кармане. И уже наяву он ехал теми же улицами, ходил по такому же двору и коридорам подворья, которые видел во сне на пароходе...

Монашеский постриг был совершён Епископом Феофаном в день памяти небесного учителя молодого студента — Св. Иоанна Златоустого — 13(26) ноября 1912 года. Имя молодому монаху было дано в честь совсем недавно, в 1911 году, прославленного Святого Иоасафа Белгородского. И уже 18 ноября (1-го декабря) того же 1912 года новый монах рукополагается в сан иеродиакона, а через три дня — в сан иеромонаха. Вскоре о. Иоасаф назначается Учебным Комитетом Святейшего Синода на должность помощника смотрителя Духовного училища в Яранск Вятской губернии, а 17-го (30-го) декабря 1913 года переводится на такую же должность в Духовное училище в Полтаву, где Епископскую кафедру занимал в то время Епископ Феофан.

Из жизни в Полтаве.

О жизни молодого Иеромонаха в Полтаве имеются некоторые воспоминания. Уже в Аргентине привёл Господь одной даме, жившей в описанное время в Полтаве, встретиться и беседовать с Владыкой Иоасафом. Они вспоминали Полтаву, прекрасный большой Собор, в котором служил Владыка Феофан. Когда собеседница упомянула о том, что она хорошо помнит Владыку Феофана и видела, как он часто больной и слабый, не мог произносить сам своих проповедей и что их читал молодой монах, стоявший всегда рядом с Владыкой, то Архиепископ Иоасаф очень оживился и радостно воскликнул: “Так это же я был!” Да, он всюду пока это было возможно сопровождал своего Авву, своей богатырской силой он помогал немощному архиерею и преданно служил ему во всём.

Архиепископ Феодосий со слов В. А. Коновалова (впоследствии Архимандрита Амвросия) рассказывает о его первой встрече с иеромонахом Иоасафом, происшедшей в доме генеральши Бурман в Полтаве. В. А. Коновалов, тогда офицер русской армии, отличался глубокой верой и приверженностью к Церкви Христовой. Зная об этом, генеральша Бурман решила познакомить его с иеромонахом Иоасафом, произведшим на неё сильное впечатление во время его проповеди в Соборе. Она пригласила обоих к себе на чашку чая. Первым пришёл Коновалов и поинтересовался, кто же такой этот иеромонах, с которым генеральша хочет его познакомить. И когда та ответила, что он говорит обычно проповеди вместо Епископа Феофана и что он кончил Духовную Академию в Петербурге, В. А. Коновалов ответил, что слышал его проповеди и сразу

увидел, что проповедник богословски хорошо образован и отлично владеет русским литературным языком. После знакомства и длительной беседы В. А. убедился, что иеромонах Иоасаф не только образованный, но и духовно воспитанный и хороший проповедник, способный влиять на людские души. Эта встреча произвела на него большое впечатление и, возможно, привела в будущем к миссионерскому пути и принятию монашества.

Вспоминая о проповеднических способностях Архиепископа Иоасафа, о. Амвросий рассказывает, что когда Добровольцы заняли Полтаву и нашли расстрелянного иеромонаха Нила, казначея Лубенского монастыря, и принесли его тело в монастырь, то его, по поручению Епископа Феофана, встретил иеромонах Иоасаф, после отпевания сказавший такое сильное слово, что оно потрясло присутствующих.

В очерке “Немноголетний Старец,” помещённом в сборнике “Православный путь,” имеются воспоминания о полтавском периоде жизни Владыки Иоасафа, связанного со встречами с В. З., в будущем ставшим священником. Приводятся слова самого Владыки: “Преосвященный Феофан посоветовал В. З. жить у меня, хотя и предоставлял ему возможность жить в архиерейском доме. Я охотно согласился, и вот мы живём с ним в больничном здании нашего Полтавского Духовного училища, посещая ежедневно службы в архиерейском доме. Жили мы в одной комнате, он был вроде моего келейника, сожителя, собрата мне. Кругом были большевики, занимали весь дом, за исключением нашей комнаты. Мы проходили мимо большевиков, они нас видели и точно не видели. Никто не спрашивал ни о чем, ни меня, ни его, чему мы крайне дивились и приписывали милости Божией. Но в конце концов мы вынуждены были оставить это помещение. Я поселился в архиерейском доме вместе с другими иеромонахами, а он, “Зиновьевич,” как его обыкновенно звали, — в каретнике и жил между каретами, т. к. стали обыскивать архиерейский дом и по чьему-то доносу искали спрятавшегося красноармейца. И вот, чтобы “не подвести,” Зиновьевича, которого разыскивали, жил между каретами. Ему приносили пищу туда же. Впрочем, он иногда выходил от туда для Богослужения и т. д. И так продолжалось до вступления Добровольцев в Полтаву, то есть около 2-х — 3-х месяцев.

В статье “Архиепископ Феофан,” помещённой в 1953 году в журнале “Православное Слово,” Владыка Иоасаф вспоминает: “Революция застала Архиепископа Феофана в Полтаве. Украинцы арестовали его за то, что он не согласился молиться за самозваную “директорию.” Большевики также пытались его арестовать, но Бог хранил его. Они вошли в кабинет, но не заметили его, хотя он сидел за письменным столом: “видя не видели”...(Это очевидно, относится к тому же периоду, о котором сказано выше в воспоминаниях о “Зиновьевиче”).

В этой статье Владыка Иоасаф пишет, что Епископ Феофан вместе с Добровольческой Армией эвакуировался в Таганрог, где был в то время Заграничный Синод. Очевидно, и Иеромонах Иоасаф ушёл тогда же со своим Аввой вместе с Белой Армией. Надо полагать, что это произошло в начале 1920 года. 9 (22) декабря 1919 года Владыка Иоасаф был назначен Смотрителем Лубенского Духовного училища, а 19-го апреля (2-го мая) 1920 года был возведён в сан Архимандрита уже в Крыму.

Последние дни в России.

Владыка Архиепископ Феодосий вспоминает, что в 1920 году, прибыв из Курской губернии заместником Херсонского монастыря, он встретился в городе Севастополе с

Архимандритом Иоасафом. Епископ Вениамин в то время был Настоятелем Херсонского монастыря и также занимал должность Управляющего военным и морским Духовенством. Он создал для фронта Белой Армии кадр в 12 проповедников, в числе которых состоял и Архимандрит Иоасаф, который жил в Херсонском монастыре вплоть до эвакуации Генерала Врангеля в Константинополь. В Херсонский монастырь прибыл и упоминавшийся выше В. З., который стал сопутствовать Архимандриту Иоасафу как псаломщик. Они объезжали передовые позиции, где располагались Добровольцы, сначала в Крыму, потом вообще в Таврической губернии, вплоть до местечка Алешки, что на Днепре. Бывало, служится Соборный молебен на плацу, где собрано множество воинских частей. — “Ну, кто скажет слово?” — “Пусть уж о. Иоасаф скажет,” определяет предстоятельствующий. И говорит молодой Архимандрит горячо, убедительно, ободряя воинов, идущих на борьбу с гонителями Церкви и предателями Родины, говорит звучным сильным голосом, так что и в последних рядах всё ясно слышно.

Богатырский голос был, богатырские силы были! Вот пример этому. При Главнокомандующем Генерале Врангеле, в последнюю эвакуацию Белой Армии, Архимандрит Иоасаф покидал Крым вместе с группой Архиереев. Его одного оставили на пристани сторожить весь багаж. Вдруг сообщают, что нужно немедленно грузиться на пароход. — “Думаю, как мне быть?” — рассказывает Владыка Иоасаф, — оставить часть багажа опасно, растащат. Не долго думая, решил снести всё разом. А чемоданов было 8 штук! Да ещё архиерейские с книгами и облачением... Взвалил по два чемодана, связанных ремнями, на каждое плечо и в каждую руку взял по два. Так и дотащил до места погрузки. Бог помог!

Пришли мои Архиереи, спрашивают: — “Где багаж?” — “Уже погружен.” — “Кто же отнёс? — Да я. — А кто же помогал? Так и всплеснули руками, когда узнали, как всё было... Вот какая сила была, не то что теперь!... Грустно рассказывал свой рассказ Владыка. Архимандрит Иоасаф на одном из последних пароходов, уходящих в неизвестность, покинул Россию, и начал долгий эмиграционный этап его жизни.

Эмиграция в Европе.

Югославия (1920- 1929).

В “Куррикулум Витэ” Архиепископ Иоасафа мы видим, что с 1-го декабря 1920 года по февраль 1921 года он обслуживал по назначению Епископа Армии Преосвященного Вениамина военные госпитали в Константинополе. О жизни и деятельности Архиепископа Иоасафа в Константинополе почти нет сведений, кроме нескольких скудных воспоминаний и данных из “Куррикулум Витэ” Владыки.

Архиепископ Феодосий вспоминает, что он и жившие с ним в Херсонском Монастыре Архимандриты о. Иоасаф и о. Симон эвакуировались вместе в Константинополь. Там обоих Архимандритов нашёл В. А. Коновалов, впоследствии Архимандрит Амвросий, о котором мы уже упоминали, и устроил их в общежитие № 8 в Стамбуле, где они жили в комнате В. А., бывшего тогда помощником коменданта этого общежития. Там они прожили до тех пор, пока все три Архимандрита не отбыли совместно с Митрополитом Антонием в Югославию.

Монастырь Вратна.

Владыка Иоасаф пребывал в Монастыре Вратна (Сербия) в качестве собрата и духовника в 1921-1922 г. г. Назначен Заграничным Синодом на должность Настоятеля Православной Общины и законоучителем в гимназии в Ерцегнови (Далмация — Сербия) 13-го февраля 1922 года. Состоял на должности директора той же гимназии, законоучителем и преподавателем истории и географии с 1924 по май 1925 года. Был законоучителем в кадетском Донском Императора Александра Третьего Корпусе в Билече и Горажде (Сербия) с июня 1925 года по 1-ое сентября 1929 года.

По воспоминаниям Архиепископа Феодосия все три, тогда ещё Архимандрита, — он, о. Иоасаф и о. Симон, прибыв в Югославию, получили от Епископа Иринея монастырь Вратна. — ”В 1921 году, в монастыре никого из монашествующих не было,” — говорит Архиепископ Феодосий. “Нам для духовного окормления выделили одно село, прилегающее к монастырю, говорящее на румынском языке, а затем целый приход, отстоявший от нашего монастыря в 16-ти км. Нам пришлось завести уставное Богослужение и всем троим исполнять все обязанности, касающиеся насельников монастыря, ибо кроме нас, никого в монастыре не было. Один сторож был. Сами служили, сами прислуживали, сами готовили себе пищу. Впоследствии к нам прибыл один семьянин и жил в качестве трудника. Совместная наша жизнь продолжалась недолго: о. Симон получил место в одном приходе под названием Райяц; я отправился в качестве настоятеля в монастырь Св. Богородицы в Македонию, не далеко от города Прилепа, а о. Иоасаф ушёл преподавателем.”

Гимназия в Герцеговине.

Выдержка из письма одной учительницы, работавшей с Владыкой Иоасафом в русской гимназии в г. Ерцегнови, в Далмации (Катарская Бухта).

— ”Наши пароходы шли из Севастополя и остановились в Ерцегнови, в Далмации. Каким райским уголком показался нам этот маленький городок, расположенный у самого входа в Катарскую Бухту. После грязных тёмных трюмов — пальмы, лимоны, апельсины и розы, розы всюду... Народ приветливый, многие говорят по-русски... Первой нашей заботой были дети: надо, чтобы дети учились по-русски. Собрали учебники и открыли школу. Бедность была во всём — и в помещениях и в учебных пособиях. Но зато мы были богаты бодростью и надеждой. Была радость, что мы вырвались благополучно из большевицкого ада и что главные беды окончились. И вот в эту обстановку бедности и богатства влилась новая благодатная сила. Был у нас при открытии школы короткое время законоучитель, но он скоро уехал.. Мы остались без священника... Погоревали... Но Господь не оставил нас — приехал Владыка Феофан и с ним Архимандрит Иоасаф, который и стал законоучителем нашей школы, развернувшейся вскоре в восьмиклассную гимназию. Так, в один во истину прекрасный день к нам приехал скромный тихий священник и сразу озарил нас светом своих необыкновенных голубых глаз. Такие глаза встречаются редко, в них нет блеска и нежности, но есть свет — тихий свет вечерний. Эти светом и озарял нас о. Иоасаф во время своего пребывания с нами. Дети ли расшались, поспорим ли мы, преподаватели, но придёт о. Иоасаф, благословит, и всё проходит, и опять наступает мир и тишина. Был о. Иоасаф небольшого роста, худенький, с изумительно красивым, иконописным лицом, даже не лицом, а ликом. Жил о. Иоасаф небогато, как и все мы. Но скоро мы узнали, что он беднее нас всех. Дело было так: вижу я, что ряска его старенькая, да и не первой свежести, и мы с Таней Б. осмелились

попросить о. Иоасафа дать её нам постирать, сказав, что она за ночь высохнет. А он нам своим окающим северным говорком отвечает: “А чем же я укрываться ночью буду, ведь ночи то холодные”...

Должно быть, лица были у нас очень растерянные, потому что он с улыбкой, этакой ласковой, добавил: “ведь одеяла-то у меня нет.” И никто об этом не знал! А дело было уже осенью, и хотя в Ерегнови зимы не бывает, но ночи стоят очень холодные. Конечно, мы сразу же достали ему одеяло, и он, очевидно по молодости, как-то смутился”...

Донской Кадетский Корпус Императора Александра III-го в Горажде.

Из воспоминаний бывшего кадета — “Церковника.”

—”Батюшка с отеческой любовью и заботливостью пригрез и обласкал нас в пору нашего перелома между отрочеством и юностью, когда особенно нам, заброшенным и одиноким, в обстановке кадетской жизни нужны были и тепло, и ласка, и любовь. Это тепло и любовь, которые он дарил нам, были одновременно и матерински нежными и монашески суровыми. Его суровость была замкнутая, оставленная для себя, как бы броня между “Я” и миром. Она являлась результатом строгой монашеской жизни, но всегда, как снег от солнца, готова была растаять под лучами его улыбки. Улыбка Батюшки, сразу озарявшая его казавшееся суровым лицо, с глубокой складкой над бровями и обычно опущенными ресницами, лицо, которого побаивались кадеты, эта улыбка широко открывала доступ к его внутреннему “Я,” где доброта была основным свойством...

Батюшка сменил уехавшего в Париж Епископа Вениамина. Он появился как-то незаметно, хотя в жизни Корпуса, находившегося в горах Герцеговины, всякое, даже маленькое событие вызывало большой интерес и много пересудов. Очень скоро Батюшка вошёл в корпусную жизнь и собрал вокруг себя группу кадет “Церковников.” Раньше так называли кадет, прислуживающих в Церкви во время Богослужений. Но “Церковники” Батюшки были уже новым явлением в Корпусе. Это был как бы маленький монастырь. Каждый день в корпусной Церкви совершались Богослужения. Вечером между обедом и вечерними занятиями (так называлось время, положенное для приготовления заданных уроков) служилась вечерня и утреня. Группа кадет из Церковников каждодневно посещала эти Богослужения, — читали и пели на клиросе. Мы очень любили эти будничные Богослужения за их простоту и строгость, стараясь в то же время воскресным и праздничным службам придать большую торжественность: заботились об облачениях, чистоте храма, своими руками сделали Батюшке две митры, следили за возможной пышностью всех выходов и крестных ходов и очень любили устраивать “встречу,” пользуясь тем, что при корпусе был дьякон.

Батюшка, кроме встречи и слишком большой заботы о его облачении, во всё входил сам, обсуждая с нами все мельчайшие подробности. Много он уделял внимания звону, обучая нас, как нужно звонить. Колоколов, конечно, по бедности не было, их заменяли рельсы и баллоны от кислорода, но гамма подобрана была хорошо, и звон получался мелодичный. В будние дни Батюшка любил звонить сам, поражая нас своим искусством. За каждым воскресным и праздничным Богослужением батюшка произносил проповедь. Проповедник он был особенный. Его нельзя было назвать красноречивым, но содержательность, глубокая вера и горячая настойчивость звучали всегда в его словах, которые доходили до сердца. В служении, как и во всем в жизни, батюшка был прост, хотя в торжественные дни не избегал пышности, правда, под нашим — Церковников — давлением. С регентом, большим театралом, столпом нашего корпусного театра, Батюшка

иногда пререкался, стараясь не допускать вольностей в Богослужении и избегая дешёвых эффектов. Это были лёгкие царапины, которые сразу же сглаживались. Но кто наносил Батюшке тяжёлые раны — это был директор, отдавая распоряжения сократить Богослужения и без того урезанные. Вернувшись после такого неприятного разговора к себе, Батюшка шагал по келии и сердито говорил, ни к кому не обращаясь, что “они” готовы и всё самое существенное выкинуть из Богослужений, а когда дело доходит до “киянтера,” так находят и время и возможности. Кончал же тем, что приказывал принести богослужебные книги и, сердито указывая пальцем, говорил очередному чтецу: “Это пропустишь... здесь читай до сих пор... Вот как будем теперь Богу молиться!” — кончал он с сокрушением свои указания. Батюшка в период пребывания в Корпусе совсем отказался от прав на собственность, следуя монашескому обету, и его келья со всем находившемся в ней, была достоянием Церковников. Там проводили мы все свободные часы, не зависимо от присутствия в ней хозяина. В келии было всегда опрятно. Зимой в ней не было холодно, хотя Батюшка не топил, а только в морозы слегка подтапливал. Кроме икон, не было никаких украшений. Кровать узкая и жёсткая, без простынь. Батюшка спал в подряснике. Когда Батюшка начал заниматься живописью и иконописью, то появился мольберт, который занял центральную часть у окна. Входили мы к Батюшке без стука, по молитве, как в монастыре, на “Аминь.” Войдя, крестились на иконы и подходили под благословение. Батюшка обычно не поворачивал головы, чтобы посмотреть на вошедшего и только, когда у него просили благословения, поднимал голову от работы и говорил: “А, это ты” — и называл по имени, после чего благословлял широко, иногда касаясь лба и плеч. Старшие кадеты часто приходили к Батюшке и вечером после ужина вели с ним продолжительные беседы. Такие вечерние беседы чаще бывали во время каникул. Сам Батюшка любил заходить в третью сотню (к кадетам младшего возраста), когда они уже готовились ко сну, садился к кому-нибудь на кровать и рассказывал им что-либо из жития святых или просто занятные истории. Преподавательская деятельность отнимала не мало времени и сил. Батюшка был учитель строгий, но справедливый и, когда нужно, снисходительный. Очень его огорчали неуместные вопросы и споры, которые выводили его из себя, и тогда он с сокрушением говорил: “Еретик.” Время, не посвящённое кадетам, Батюшка проводил в чтении, живописи и рыбной ловле. Читал он много, приобретая всюду, где можно было, духовные книги и старался к этому приучить и нас.

Живописью он начал заниматься в Корпусе под влиянием преподавателя рисования художника М. М. Хрисагонова. У Батюшки с ним установились самые дружеские отношения, которые он сохранил до конца жизни, переписываясь с М. М. Оба большие любители природы, они со складными мольбертами отправлялись в горы или на берег реки Дрины писать этюды, проводя время в занимательной беседе. Замечательно, что М. М., человек интересный, начитанный, любознательно заглянувший в самые разнообразные отрасли человеческого знания, совершенно не был церковным человеком, а в некоторых богословских вопросах оставался при своём, иногда довольно свободном мнении, никогда не навязывая его другим и не стремясь к распространению своих взглядов, что и мирило Батюшку с этим недостатком. Батюшка проводил время на Дрине не только с Михаилом М. Нередко, захватив удочки, вместе с о. дьяконом ходил Батюшка на рыбную ловлю. Отец дьякон был страстным рыболовом и проводил всё свободное время на реке. Рыбная ловля служила Батюшке отдыхом и упокоением, уловом он не

интересовался, раздавая его. Для о. дьякона же это служило подспорьем к его небольшому содержанию корпусного писаря.

Часы же, проведённые на берегу горной голубой Дрины, протекающей в довольно широкой равнине среди гор, покрытых лесом, давали Батюшке утешение в тех скорбях, которых немало было в на вид тихой корпусной жизни. Любил Батюшка и далёкие прогулки — экскурсии, продолжавшиеся два-три дня. На такие прогулки брал он нас с собой. Это были замечательные дни, и мы, приглашённые, были счастливы, когда, запасшись продуктами из корпусной кладовой, с котомками за плечами отправлялись в далёкий путь. Местные монастыри, часто полуразрушенные и опустевшие, в которых жили по два, а то и по одному монаху, служили целью наших путешествий. В этих монастырях и в местечках по дороге, где были церкви, Батюшка с разрешения настоятелей, а иногда и вместе с ними совершал Богослужения. Пол дороге Батюшка вёл с нами беседы, которые можно было бы назвать народным богословским факультетом. Эти прогулки служили нам, воспитанникам закрытого учебного заведения, и для знакомства с людьми. И главное, помогали познанию и воспитанию нами красоты мира, как естественного откровения и через него — величия и милости Творца, даровавшего нам красоту. Через много лет, вспоминая эти прогулки, вспоминая Батюшку где-нибудь на перевале, с которого открывается вид на долину, на горы, убегающие к горизонту и теряющиеся в голубовато-лиловой дымке, я вижу его, как живого, любующегося этим видом, впитывающего его в себя. Его лицо улыбается светлой улыбкой, глаза сияют, набегающий ветерок развеивает его волосы, выбивающиеся из-под скуфьи и рассыпанные по плечам. А он произносит обычно с непередаваемым чувством умиления: “Красота-то какая, чудные дела Твои, Господи!”

Свидетельства М. М. Хрисаногова об Архим. Иоасафе.

Признаюсь вам, что Владыка был первый, у которого я снова исповедовался после долгого перерыва... Дружба наша покоилась не только на действительно дивных прогулках с ящиками красок и мольбертами по горам и беседах на разные интересные темы, но, а главным образом на вере в Господа Бога, вере в чудеса и промысел Господень. При всяком разборе какого-либо вопроса это обстоятельство чувствовалось взаимно. Владыка Иоасаф был действительно подвижник!

Открою вам и те чудеса, которые совершились по молитве Владыки.

Однажды в Храм принесли на носилках старуху мусульманку. Владыка спросил, верует ли она в Христа и молитву его? Как известно, мусульмане почитают Иисуса Христа, как пророка. Когда женщина ответила, что верует, Владыка совершил молитву, а мусульманка встала затем с носилок и возвратилась домой самостоятельно.

Таких случаев было в Горажде у Владыки несколько, но он не любил, да и не смел бы по своей кротости рассказывать об этом кому-либо. Только когда уже он был Епископом, а я в это время рисовал портрет Митрополита Антония в Сремских Карловцах, я рассказал Митрополиту несколько случаев исцеления по молитве Владыки Иоасафа. Трогательно было видеть, как от полноты чувств Владыка Антоний залился горячими слезами, промолвив: “Есть ещё верующие люди на свете!”... Плакал и я вместе с ним от умиления чувств и веры Владыки Антония.

Приглашение в Канаду и Хиротония во Епископа.

В своих воспоминаниях Архиепископ Феодосий и Архимандрит Амвросий рассказывают, что соборно мыслящая группа верующих решила открыть в Канаде в Монреале приход и по назначению Преосвященнейшего Апполинария пригласила настоятелем этого прихода Архимандрита Иоасафа. Но визу для него удалось получить только через два года, и в 1929 году Архимандрит Иоасаф прибыл в Нью-Йорк, а оттуда в декабре того же года приехал в Монреаль. Но т. к. не все документы были надлежаще, по мнению канадского правительства, оформлены, ему пришлось возвратиться в Нью-Йорк и пробыть там более двух месяцев. Прибыв вторично в Канаду 6 (19) февраля 1930 года, он должен был в сентябре того же года выехать по вызову Синода в Югославию для хиротонии во Епископа. Ещё до хиротонии, определением заграничного Синода, Архимандрит Иоасаф был 29 мая (11 июня) 1930 года назначен Епископом Монреальским. Хиротония состоялась 19 сентября (12 октября) 1930 года в Белграде.

В воскресенье 12 октября 1930 года в Русской церкви в городе Белграде при громадном стечении духовенства и мирян состоялась торжественная хиротония Архимандрита Иоасафа во Епископа Монреальского. Накануне в 5 часов вечера состоялось наречение, во время которого нарекаемый сказал речь. Самый чин наречения совершили три Архиерея: Владыка Митрополит Антоний, Архиепископ Гармоген и Епископ Митрофан в присутствии многочисленного духовенства и мирян. Литургию на другой день совершал Владыка Митрополит Антоний при большом Соборе, в который входили: указанные Владыки, Архимандрит Кирик, Архимандрит Феодосий, Протоиерей о. Беловидов, Протоиерей о. Синькевич, Игумены о. Амвросий, о. Феодосий, Иеромонахи о. Серафим, о. Амвросий при Прододиаконе Байздренко и Иеродиаконах Мильковского монастыря о. Луки, о. Зосимы и о. Саввы (Струве). Во время литургии состоялась самая хиротония, во время которой с особой выразительностью нарекаемый Епископ произнёс исповедание веры и клятву верности Архиерейскому Синоду Заграницей. Во время этого же Богослужения был рукоположен в Иеромонахи Иеродиакон о. Савва (Струве), а затем новый Епископ Иоасаф рукоположил в диаконы. Богослужение отличалось великой торжественностью и высоким молитвенным настроением. При вручении жезла новому Епископу Владыка Митрополит сказал глубоко-назидательное слово, в котором указал на трудный характер службы Епископа Иоасафа в Америке и на высокие личные качества нового Епископа. После Богослужения состоялась трапеза для духовенства, устроенная Епископом Иоасафом. Во время этой трапезы не говорилось речей, но присутствующие с любовью обменивались мнениями о личных качествах нового Епископа. Мильковские монахи указывали, что характерной чертой нового Епископа является задушевная простота и близость к народу. Они рассказывали, как в Монастыре в Мильково, куда он приезжал на лето, отправляясь на рыбную ловлю, ему давали самую тяжёлую задачу — держать невод одному в то время, как другой канат тянули три человека. В пылу работы заслуженному учёному Архимандриту кричали: сильнее тащи канат, поворачивай в сторону и т. д. Все это Владыка с усердием и смиренно исполнял. Поучения же его в Храме раскрывали к нему сердца людей. Слыша эти рассказы, думалось, что в Америке, где рассеяно много русских людей, где Церковь раздирается различными “акулами,” Епископу Иоасафу придётся держать натянутый канат русской церковной и общественной жизни не только за троих. Видя спокойное одухотворённое лицо Епископа Иоасафа, никто не сомневается, что “канат” дан в надёжные руки. После трапезы в квартире Владыки

Антония Преосвященному Иоасафу был поднесён от монашествующей братии богослужебный жезл, причём Архимандрит о. Феодосий произнёс краткую, но очень прочувственную речь.

Речь Епископа Иоасафа при наречении (в сокращённом виде).

Два вопроса особенно занимали меня в жизни.

Первый — это исследование путей милости Божией. Наблюдал я неизреченную милость Божию прежде всего в богато одарённой природе и объяснял я себе это тем, что природа подчиняется неотвратимым законам естества. Стал я наблюдать человеческую жизнь; и даже там, где свободная воля обращалась ко злу, я всегда находил милость Божию. Тогда я решил обратиться к тому, что есть самое грешное, самое худое, и обратился к своему сердцу, к своей внутренней жизни. Казалось, здесь нет места для милости Божией, потому что здесь нет ничего доброго. Но и здесь я обнаружил милость Божию и вспомнил я слова Псалмопевца: “Господи, камо иду от Духа Твоего и от Лица Твоего камо бежу; аще взыду на небо, — Ты тамо еси, аще сниду во ад, — Ты тамо еси.” Тогда я окончательно убедился, что милость Божия к человеку беспредельна и безгранична.

Второй — скоро ли наступит Страшный Суд. По признакам во внешней природе, по состоянию человечества, наконец, по себе самом я чувствовал, что время близко, что нужно спешить совершать Божие дело и осуществлять проповедь Его Царства. И вот, стоя здесь на пороге своего нового епископского служения я задаю себе вопрос, — что же, опять надо мной изливается беспредельная, безграничная, милость Божия и думаю: “Господи, ослаби ми волны благодати Твоея.” Если Господь хочет меня, грешного, наказать и дарует мне благодать епископского служения для того, чтобы сильнее с меня потом взыскать, — приемлю, да будет Его Святая Воля. Если Господь желает через меня, недостойного, принести добро другим людям и ввести их в Своё Царствие, — приемлю и ничто же возражаю. Если Господь усмотрел во мне что-либо доброе и награждает меня епископским жребием для спасения моей души и душ верных, — благодарю милосердного Господа и смиренно приемлю Его великую милость. Всё же, боголюбезные Архиереи и весь священный Собор и благочестивые миряне, прошу помолиться обо мне, да сделает Господь меня достойным даруемой мне благодати епископского служения.

Канада (1929-1951).

Приехавшего после Хиротонии Епископа Иоасафа на пристани города Монреаля встречали около ста человек. С пристани Владыка сразу последовал в Храм, где был также торжественно встречен священником о. А. Цуглевичем и многочисленными молящимися.

Миссионер Канады В. А. Коновалов (впоследствии Архимандрит Амвросий) и Протоиерей о. Василий Карклинс (последний со слов Владыки) вспоминают о первом десятилетии пребывания Владыки Иоасафа в Канаде.

— С прибытием в Канаду епископ Иоасаф вступил на новый тернистый путь служения Церкви Христовой, которая тогда особенно сильно раздиралась враждующими юрисдикциями. Многие, даже Епископы, клеветали на Владыку Иоасафа и препятствовали его святым трудам. Новая Епархия не имела никакого материального имущества и обеспечения, ни одного организованного прихода. При таких условиях надо было твёрдой рукой вести корабль Церкви Христовой к тихой пристани не только среди бушующих волн житейских, но и среди моря лжи и клеветы. И вёл его Владыка Иоасаф ни

что же сумняшесь и не утрашился сильных мира сего. Владыка пережил много лишений и невзгод. Он не получал никакого жалования и жил на добротные пожертвования. Но никогда и никто не видел его обеспокоенным о завтрашнем дне, и всегда он был весел, добродушен и жизнерадостен. По слову Св. Апостола: *“ничего не имуща, вся содержаша.”* А что это так, видно из того, что было сделано Владыкой Иоасафом уже за первые 10 лет его епископства в Канаде. К концу этого периода Владыка окормлял уже около 40 приходов и общин, открыл скит в провинции Альберта. Один богомолец купил три акра земли с 2-х этажным домом, в котором внизу был устроен Храм, а наверху покои Епископа. Потом сам Владыка купил рядом 80 акров земли и соорудил всё необходимое для скита — постройки и прекрасный деревянный Храм. В скиту могут жить 10-12 человек монахов. Он зарегистрировал его в Парламенте, как Скит во имя Покрова Божией Матери. В городе Эдмонтоне Владыка создал подворье: наверху Храм, под ним прекрасный зал и 5 жилых комнат. На прилегающем участке земли имеются гараж, большой сад и огород. На севере провинции Альберта в 1939 году Владыка Иоасаф на 120-ти акрах купленной им земли создал мужской монастырь во имя Преп. Серафима Саровского при огромном, богатом рыбой озере, который также зарегистрирован в Парламенте. И всё это было сделано из ничего — путём личного труда и изыскания пожертвований, которые, благодаря обаянию, простоте и высокой духовности Владыки Иоасафа, с радостью вручались в его руки верующими, знающими, что их жертва не пропадёт напрасно. Владыка с горячей верой и энтузиазмом, вдохновляющими его последователей, сам в скиту и в монастыре выкорчевывал пни, очищал площади под огород и сад, копал грядки, сажал овощи и деревья, носил воду и поливал, затем полонил огород и собирал урожай, заботился об отоплении, заготовляя дрова на зиму, не говоря, конечно, об основной работе, где он был первым, — по постройке храмов и хозяйственных всевозможных помещений. Таким образом, он оставил живую вещественную о себе память. Недаром его назвали впоследствии — “Просветителем Канады.”

Двадцать лет, проведённые в Канаде, были сплошным трудом духовным и физическим. Нужно было восстанавливать Православие, заглохшее в тех краях. Приходилось наново создавать приходы и общины; бороться с оппозицией, часто создавать храмы и монастырские скиты собственными руками. Не один Храм был полностью оборудован самим Владыкой, и иконы очень часто писал он сам. Про одну из скитских церквей Владыку спрашивали, кто же её строил? — “Да нас четверо: О. Илья да я, я да о. Илья,” — весело смеясь, отвечал Владыка.

Наблюдая дело и труды Владыки Иоасафа в Западной Канаде, Архиепископ Виталий образно назвал скит Владыки “Сергиевской пустыней,” а миссионер Канады В. А. Коновалов, во время своего объезда Канады подъезжая к этому скиту, дальше развивает ту же мысль.

Когда я подъезжал к этому скиту, то мне представилось, что я подъезжаю к скиту Оптинской Пустыни, ибо я, по милости Божией, часто бывал в Оптинской Пустыни и неуклонно посещал её скит и Старцев. Маленький новый сосновый храм с голубым куполом, кругом видны монастырские постройки. Когда я вошёл в храм, то меня поразила чистота и уют его. Весь пол храма покрыт линолеумом, стены обтянуты фанерой, прекрасный иконостас, вместительный алтарь, и всё обставлено в духе обителя... Нет здесь золота и серебра. Но здесь витает и живёт монашеский дух. Дальше келия Епископа Иоасафа — деревянная, сосновая, новая изба в старом русском стиле, такая же простая обстановка,

соответствующая монаху — подвижнику, затворнику. Дом для братии двухэтажный, тоже деревянный сосновый, с 8-ю комнатами на 8-10 человек-иноков, иконописная и все нужные монастырские службы. Это в скиту при всеми отмечаемой материальной стеснённости и даже бедности. То же в епархиальном городе Эдмонтоне в подворье Епископа Иоасафа. Храм на подворье прекрасный. При храме имеется жилое помещение в 5 комнат, из которых Епископ занимает три: 1-ая малая комната — библиотека Епископа; 2-ая комната побольше — кабинет и спальня одновременно и 3-я — иконописная, где Владыка, как иконописец и художник, сам пишет иконы. Для приёма посетителей имеется ещё приёмный зал и комната-кухня для жительства диакона и келейника. Так, из ничего, из бедности с одной Божией помощью в далёкой Канаде, напоминающей нашу временно утраченную Россию, трудами и ревностью подвижника Епископа создан очаг нашего Святого Православия”....

Поражает борьба Владыки, временами героическая, при отстаивании прав нашей Зарубежной Церкви в тех краях; удивляют его лишения, бесконечные моральные и физические труды в процессе воссоздания церковно-религиозной жизни среди старожилов — выходцев из России, к тому времени одичавших духовно за многие годы жизни без пастырского окормления. Эти люди, с которыми Владыке приходилось сталкиваться, были главным образом переселенцы с Волыни, часто прокоммунистического настроения и подчас не оказывавшие должного внимания своему Правящему Архиерею. Но несмотря ни на что, Владыка Иоасаф — безленостно и безропотно трудился на ниве Господней. Много нужно было иметь ангельского незлобия, терпения и любви к человеку, чтобы наставлять и учить людей распознавать и отличать добро от зла, которым так переполнен современный мир, богоотступнический и богоборческий. Для этой цели Владыка путешествовал вдоль и поперёк всей Канады и поездом, и на подводе, а то и пешком... Куда ни попадёт, всюду крестит и детей, и взрослых, венчает, отпевает, устраивает Богослужения и неустанно наставляет, проповедует иногда по несколько раз в день..

В памяти людей, знавших Владыку Иоасафа, сохранилось несколько случаев из жизни его в Канаде, рассказанных им самим в Аргентине или сообщённых его почитателями из Канады. Владыка не любил вспоминать грустных, тяжёлых происшествий, поэтому почти всё, известное нам, носит жизнерадостную, даже юмористическую окраску, что соответствует доброму, радостному характеру нашего Архипастыря. Вот некоторые из них:

“Приезжаю я однажды на одну из станций железной дороги, где должна меня ждать подвода, чтобы на ней продолжать дальнейший путь,” — рассказывает Владыка со свойственной ему весёлостью, — “Вижу, ходит невдалеке этаким наш мужичок и внимательно посматривает в мою сторону. Потом не торопясь, подходит ко мне и спрашивает: — ”Часом не вы будете Владыка Иоасафатий?”

— ”Да, я, — отвечаю, догадываясь о ком идёт речь, — “А что такое?”

— “Та я на Вас вже давно чекаю, ходимте! — и ведёт меня к своим лошадям, которых оставил, чуть ли не за полверсты от станции. Идём. Разговариваем. А у меня в руках два чемодана с облачением и книгами да ещё кожаная сумка через плечо.

— ”Послушай-ка, брат, — не выдерживаю я, — не можешь ли ты мне помочь нести чемоданы?”

— ”Чому ни,” — спокойно отвечает он и берёт у меня один из чемоданов.

В приходы, которых к концу пребывания Владыки в Канаде было около шестидесяти, он приезжал не по вызову, не за вознаграждение, а когда ему было удобнее, часто без предупреждения и иногда гостил по неделям. Однажды его пригласил приход в г. Соскачевань. Когда он приехал на железнодорожную станцию, отстоявшую от прихода

в 40 милях, то его никто не встретил. Не долго думая, он взвалил чемоданы на плечо и пошёл пешком...

Вскоре после своего приезда в Аргентину, увидев полные молящимися храмы, что на Владыку произвело самое отрадное впечатление, он невольно заметил: — “там, в Канаде, я никогда такого не видывал. Напротив, часто случалось так, что служишь, бывало, Божественную Литургию в воскресный день или в Двенадесятый праздник, а в церкви из молящихся никого, кроме одной набожной старушки. И на возглас “мир всем” повернёшься, бывало, и скажешь: “Мир тебе, Авдотья,” а та отвечает: “и духови твоему”...

— “Нередко по-скитски приходилось служить, — рассказывает Владыка, — скажешь, например, целиком великую или просительную ектенью, а затем пропоёшь 12 раз “Господи, помилуй.” Приходилось самому всё делать: и свечи зажигать, и кадило раздувать, и даже часы читать.” Просфоры Владыка обычно пёк сам.

У Владыки Иоасафа не было и тени малейшего честолюбия. Владыка всегда придерживался такого мнения, что монах не должен не только искать, но даже желать каких бы то ни было отличий, наград или повышения. Поэтому, когда 16 (29) октября 1945 года по настоянию Архиерейского Синода русской Зарубежной Церкви Владыка был возведён в сан Архиепископа, то он полушутя — полусерьёзно заметил: — “Зачем мне это? Я и без того не уйду в другую юрисдикцию”...

Владыка, как младенец, был незлобен и чист сердцем, и Господь слышал его молитвы. Так, в бытность его в Канаде, когда велась церковная борьба с отщепенцами так наз. “американской юрисдикции” — Митрополии, с которыми покойному Владыке пришлось не мало повоевать, отстаивая паству и правоту Зарубежной Церкви. Одно лето стояла засуха, грозившая урожаю. Духовенство Американской Митрополии неоднократно совершало крестные ходы и служило водосвятные молебны на полях, но тщетно, — дождя не было. После этого, по просьбе своих прихожан, верных Зарубежному Архиерейскому Синоду, Владыка Иоасаф тоже совершил водосвятный молебен в поле, прося, чтобы Господь ниспослал дождь на землю. И, о чудо! Не успели молящиеся добраться до дома хозяина, богатого фермера, на чьём поле совершался молебен, как полил сильный проливной дождь. “А что, православные,” — уже во время общей трапезы восторженно и весело спрашивал Владыка, — “наша взяла! Теперь видите не чьей стороне правда и истина.”

По своему смирению, Владыка приписывал совершившееся чудо вере и молитве своих пасомых...

У Владыки было правило — никогда никаких съестных припасов в дорогу не брать, не есть и не пить до тех пор, пока не доберётся до места назначения. Случилось однажды Владыке Иоасафу ехать по железной дороге из Эдмонта в Сан-Франциско. Дорога длилась трое суток. — “Примостился я поудобнее у окна,” — не без юмора рассказывает Владыка, — да так все трое суток и просидел, не вставая с места. Сижу себе и люблюсь, как спешат навстречу быстро бегущему поезду зеленеющие поля, леса, селения, хутора фермеров... А сам твою молитву, перебирая чётки. И так хорошо и отратно на душе, что всю жизнь, кажется, просидел бы этак, не покидая вагона. На третьи сутки я заметил, что проводник вагона, проходя мимо меня, с каким-то любопытством и даже тревогой не раз посматривает в мою сторону. Наконец, он решил завязать со мной какой-то разговор, по-видимому, предлагая свои услуги. Я ответил, что по-английски не понимаю. После чего он ушёл и вскоре вернулся с каким-то незнакомцем.

— ”Вы, батюшка, может быть русский?” — обратился тот ко мне по-русски с сильным выраженным еврейским акцентом.

— “Да, я русский,” — ответил я.

— “Здравствуйте!” — обрадовался он, протягивая мне руку.

— “Может быть, Вам, батюшка, что-нибудь нужно? Так вы скажите. Мы вам уже всё устоим ... может быть вы хотите есть?”.

— “Я поблагодарил его за внимание и наотрез от всего отказался. После этого меня оставили в покое,” — смеётся Владыка. Не хватало священников. Поэтому Владыке и приходилось часто с различными требами самому объезжать свою Епархию. Во время этих поездок, по словам Владыки, ему нередко приходилось встречаться и сталкиваться с вопиющим невежеством в отношении веры и полным церковным одичанием.

Пригласили меня однажды в семью одного зажиточного фермера, уроженца и переселенца с Волыни, — рассказывает Владыка, — с тем, чтобы совершить таинство бракосочетания.

— Вот завтра, — говорят мне, — и обвенчаете уж Маньку да Ольгу.

Из дальнейших разговоров выясняется, что Ольга, старшая дочь, ещё крещённая, а Манька — та уж нет.

— Как же венчать? — спрашиваю я, — прежде надо крестить; а перед тем, как крестить, необходимо подготовить её и научить Православной вере.

— А как же гости?! — чуть не со слезами просят родители. “Уж лучше бы завтра”...

Я хорошо понимаю их — народ трудовой, каждый день для них дорог. Если оставить так, пойдут к сектантам.

— ну, ладно! — решаю я, — Чистая бочка есть? Тащите её сюда, наполняйте водой!

До поздней ночи сидит Владыка со всей семьёй, беседует, наставляет, излагает вкратце сущность Православной веры, готовит молодую девушку к принятию святого крещения, уже за полночь, чуть ли с первыми петухами, крестит её в приготовленной “Купели,” а на другой день венчает... И отправляется дальше. Спешит куда ни позовут, неся людям свет евангельского учения; учил, наставлял, врачевал душевные язвы; присматривался к людям — не найдётся ли среди них кандидат для рукоположения в священники. Так, во время одного из своих пребываний в Ванкувере, встретился Владыка Иоасаф с молодым профессиональным артистом — певцом. Познакомились. Оказалось — бывший семинарист.

— Мне священники нужны, — сказал Владыка, — а ты семинарист, а какие-то дурацкие песни поёшь. “Я слава Богу, внял его словам,” — вспоминает не так давно скончавшийся о. Александр Знаменский, — бросил петь “дурацкие песни” и принял от Владыки рукоположение.”

Учительница Анна Эзеринг вспоминает: “...Владыка Иоасаф был основателем нашего прихода Св. Троицы в г. Виндзор — Онтарио, Канада. Как наш правящий Архиерей, он время от времени приезжал к нам по делам службы, но иногда проездом в Нью Йорк он также навещал нас. С его благословения у нас была открыта “Школа русской грамоты,” в которой много лет, начиная с 1934 года, мне пришлось заниматься. Вот тогда-то я и увидела во Владыке Иоасафе умного, наблюдательного, прямого по характеру отца духовного, педагога, человека доброй души, любящего детей. Владыка считал долгом каждый раз посетить нашу школу и не на 5-10 минут, как для отбытия номера, а на всё время урока. Он наблюдал за ходом моих занятий, а потом сам обращался к детям с вопросами, экзаменовал их, сам давал им некоторые разъяснения и рассказывал что-либо для детей интересное и шутил с ними. И нужно было видеть внимание к нему ребят и в эти минуты его добрые, ясные глаза. До сих

пор эта картина жива в моих старых глазах: это не было “начальство,” на уроках присутствовал искренний друг детей. Мы же, старшие, могли смело обращаться к нему с нашими житейскими вопросами и заботами, и всегда получали от него прямой, добрый и умный совет.”

Владыка Иоасаф был исключительно интересным собеседником и рассказчиком, и охотно принимал участие в обыкновенных разговорах. Будучи в Аргентине, он часто вспоминал и любил рассказывать о ставшей ему родной Канаде. Где он провёл около 20 лет своей полной трудов и высоких подвигов архипастырской жизни, о стране, которая своей природой и климатом очень напоминала ему наш русский север, откуда сам он был родом. Если разговор вёлся у него на подворье, то он любил сопровождать свои увлекательные рассказы так называемыми “иллюстрациями” — бесчисленными любительскими фотографиями, которые он привёз с собой как воспоминания о Канаде. Теперь эти фотографии являются своего рода наглядными документами, свидетельствующими о трудах и монашеских подвигах покойного Архиепископа. Имеется целый ряд снимков, которые можно было бы назвать “Владыка Иоасаф за работой.” На одном мы видим: небольшой двор архиерейского подворья в Эдмонтоне; на первом плане в стареньком рабочем подряснике стоит Владыка с большим топором — колуном в руках возле огромной кучи напиленных и нарубленных им дров.

— Приходилось самому всё делать, никого не нанимал, — пояснял Владыка, — что же, силёнка была...

На другом — он же, делая широкий замах, косит траву на лесной просеке, прорубленной в своё время и расчищенной от пней самим Владыкой. Теперь эта просека служит проезжей дорогой, ведущей к монастырю. В конце просеки — озеро. Показывая фотографию, Владыка объяснял: “нужна была дорога, — сам её построил...” На первый взгляд жизнь Владыки Иоасафа в Канаде представляется хоть и полной тяжких трудов и физических лишений, борьбы с клеветниками и врагами нашей Зарубежной Церкви, но всё же приносящей радость и удовлетворение при создании скитов, монастырей, приходов, в просвещении терявших веру людей, в помощи нуждающимся в Слове Божиим и пастырской любви.. Не даром заслужил он название “Просветитель Канады.” Но жизнерадостный природный характер и глубокая, чистая, детская вера скрывали от окружающих какие испытания, какие скорби нёс Архиепископ Иоасаф всю свою жизнь. Он никогда не омрачал жизни окружающих его, он всегда был внешне радостен и приветлив. Но его искренняя вера в человека часто подвергалась тяжким испытаниям и всё же не померкла, благодаря его высоким душевным качествам. Так, например, он слепо, по-детски веря в человека, рукоположил во иереи лицо, о котором паства отзывалась плохо. Но Владыка поверил в возможное исправление этого человека и рукоположил его. Чуть ли не через неделю тот перешёл в Американскую Митрополию. Второй случай. Перед рукоположением другого человека, в котором многие тоже сомневались. Владыка говорил одному прихожанину: “А ведь и этот изменит тоже, предаст”... — А затем как бы гадательно, сам себе говорил: “Предаст или не предаст?” А когда и этот вскоре после рукоположения предал, то только и сказал: “Предал-таки”...

Да, детская наивность и доверчивость приносили ему много огорчений... Но эта детская вера, наивность и любовь — одни из многих чудных качеств прекрасной души Архиепископа Иоасафа. Непосильные 20-ти летние физические и духовные труды в конце подорвали даже богатырское здоровье и силы Владыки.. С 1920 года по май 1936 года Епископ Иоасаф состоял Епископом Монреальским и викарием ныне покойного Архиепископа Виталия по управлению Северо-Американской и Канадской Епархией, а с 16 (29) мая 1936 года назначается Епархиальным Архиереем Западной Канады. 16 (29) октября 1945 года Владыка

Иоасаф возводится в сан Архиепископа. 25 ноября (8/12) 1950 года Архиепископ Иоасаф временно командирован Архиепископским Синодом возглавлять вдовствующую Аргентинскую Епархию. Незадолго до этого он был поражён тяжким недугом казавшимся неисцелимым, и подвергся серьёзной операции. Привыкший, однако, следовать беспрекословно велению долга и исполнять по-монашески послушание, ещё не окрепший физически Владыка отрывается от ставшей ему родной Канадской Епархии и летит в Буэнос Айрес. 10 (23) июля 1951 года Владыка назначается правящим Архиепископом Буэнос Айресским и Аргентинским.

Аргентина (1951-1955).

Архиепископ Иоасаф приехал в Аргентину в Великий пост 1951 года. Новая паства с великой радостью встретила его. Уже на первом совершенном Владыкой Богослужении он привлёк себе сердца молящихся. Это Богослужение было совершено в Прощёное воскресенье в Кафедральном Соборе, помещавшемся тогда в арендованном подвальном помещении. Владыка назвал его тогда “катакомбами.” Архиепископ Иоасаф уже знал о прискорбных событиях, пережитых незадолго перед тем Аргентинской Епархией и остававшейся некоторое время без правящего Архиепископа. Об этом Владыка и начал говорить после Богослужения в своём первом слове. “Значит, вы все пережили большую скорбь...” Тут Владыка остановился и вздохнул, как бы вместе со всеми переживая эту недавнюю скорбь. И тот час же, совершенно неожиданно для мирского слушателя лицо его осветилось улыбкой искренней радости. Ещё не успели отзвучать слова о пережитом, как он произнёс: “Вот и слава Богу! Раз Господь попускает нам переживать скорби, значит Он нас не забыл. Значит и впредь силы даст безропотно переносить скорби. Слава богу!”

— “Когда я смотрел на нашего Архипастыря, — говорит Н.П. Кусаков, — на его искреннюю улыбку и слышал его славословие Богу за посланную скорбь, сердца коснулась мысль: А Владыка должно быть очень хороший человек. И когда эта мысль коснулась сердца, — ему стало тепло.” Так подумал, наверное, не один из молившихся... Сразу же после приезда в Аргентину архиепископ Иоасаф посетил в начале приходы в Буэнос Айресе и его окрестностях, а потом в пяти отдалённых провинциях. Везде своими прекрасными душевными качествами, любовью к человеку, несокрушимой светлой верой, постоянно радостным настроением и верой в лучшее будущее. Желанием оказать любую помощь делом и теплым советом и искренней заинтересованностью в жизни приходов и молящихся, Владыка быстро завоевал сердца паствы, ответившей ему любовью на любовь.

В то время Аргентинская Епархия насчитывала 21 приход и общины, из которых в Буэнос Айресе и его окрестностях было 4 прихода, имевших свои собственные храмы, и 6 — помещались временно в жилых домах или арендованных помещениях. В провинциях было 2-а прихода, имевших собственные храмы, и 4-е прихода, не имевших своих храмов. В Уругвае и в Парагвае было 5-ть приходов, имевших свои церкви, но для их нормального обслуживания не хватало духовенства. Все эти приходы обслуживались 19-тью священниками и 6-тью диаконами — из священников трое были в Уругвае и Парагвае.

Очень хотел Владыка иметь свой собственный Кафедральный Собор, а не ютиться в арендованном полуподвале. Вопрос как обычно не разрешался положительно из-за отсутствия средств.

Это очень печалило Владыку, и в кругу близких людей он не раз говорил, искренне недоумевая: “Ведь это так просто: найдись только пятьсот самоотверженных человек,

которые согласились бы пожертвовать или даже, скажем, дать взаймы по одной тысяче песо, пускай не сразу, а в рассрочку, и мы имели бы свой собственный Храм.”

Господь судил иначе... Но все же Владыка положил начало сооружению Кафедрального Собора, создав в январе 1952 года Строительный Комитет, который занялся сбором средств, необходимых на постройку Храма, и организационными работами.

Нельзя забывать о больших и тяжких трудах Архиепископа Иоасафа за время пятилетнего окормления им Аргентинской Епархии, главным образом по внесению мира в разбушевавшуюся, было, и раскальваемую среду православных русских эмигрантов, как церковными юрисдикционными спорами, так и общественными разногласиями. Мир был внесён не сухими административными мерами, не приказами и наказаниями, а любовью, добрым словом, примером и чистой глубокой верой незабвенного Владыки. Аргентинская же Епархия нуждалась в упорядочении и твёрдом руководстве, и любящая, твёрдая и в то же время добрая рука Владыки была очень кстати. Будучи от природы добрым и мягкосердечным человеком, Владыка не был строг, как администратор, и весьма снисходителен к своим подчинённым. Находились люди, которые порицали и даже осуждали его за это, что, конечно, доходило до Владыки. У него же на сей счёт была своя точка зрения: “Чтобы требовать или приказывать, — смиренно говорил Владыка, — существуют полицейские и другие власти... Архиерею же достаточно только предлагать или советовать, что равносильно приказу...” И, вероятно, это любовное и мягкое отношение к людям, сердечно полюбившим своего правящего Архиерея, было нужнее и действенней, чем строгость и приказы. И поэтому Архирейская Епархия процветала при мягком, но бескомпромиссном руководстве Владыки. Жизнь её упорядочилась и узаконилась. 25-го июня 1952 года была создана Православная Конгрегация, необходимая для получения Епархией юридического лица, которой было передано церковное имущество всех приходов. Эта конгрегация была зарегистрирована в августе 1953 года в Министерстве Культур, и, таким образом, Епархия была узаконена в Аргентине.

По приезде Владыки в Аргентину — в апреле 1951 года было устроено архирейское подворье, где была его келия, зал собраний, две комнаты для монахов и келейников, живших с Владыкой. Вот как описывает свои впечатления один из келейников Владыки:

“...В полуоткрытую дверь видна небольшая келейка Владыки Иоасафа. К самой стене придвинута скромная монашеская постель, чуть дальше, в правом углу келии приделан уголок в виде полки, на котором стоит на одной ножке небольшой деревянный аналойчик с лежащим на нём молитвенником; в глубине угла — справа и слева по стенам — развешаны иконы, перед которыми мерцает розовый огонёчек теплящейся лампадки. Тут же на гвозде, запросто вбитом в стену, висит старенький епитрахиль. Самого Владыки не видно, но знаешь, что он здесь у себя в келии, сидит за своим небольшим письменным столом и читает что-нибудь из святоотеческой литературы. Когда он один, он всегда читает. Несколько помедлив, говоришь: “Владыка святой, благословите!” — “Бог благословит!” — слышишь обычное благословение Владыки. Это значит, что к Владыки можно войти. Преподав благословение и поцеловав вас в голову, Владыка жестом руки предлагает садиться, указывая на удобное кожаное кресло, которое как-то не совсем гармонирует с остальной бедной обстановкой келии. Заметив некоторое смущение и нерешительность посетителя, Владыка мягко улыбается и

поясняет: “Это для гостей.” Оказывается, кресло было подарено Владыке во время его тяжёлой болезни одним из доброжелателей; но потом, немного оправившись, Владыка почти никогда в него не садился. Тот, кому приходилось хоть раз беседовать с покойным Владыкой Иоасафом или бывать в его убогой келии, дверь которой всегда и для всех была открыта, испытывал необыкновенный мир и спокойствие на душе, как бы исходившие от всей фигуры смиренного и любвеобильного Архипастыря.

“Вот читаю Святого Исаака Свирского, — как-то особенно вдумчиво говорит Владыка, — страшно! Так страшно, хоть сан снимай...” Немного помолчав, он добавляет: “По данной мне благодати я должен был бы быть чудотворцем, а тут... Кроме собственных грехов, ничего не вижу...” — глубоко вздыхает Владыка. Если к Владыке приходил кто-нибудь из священников или гостей, что было постоянным явлением, и случалось, что из его келейников никого не было в это время дома, накрывал на стол и с отеческой лаской потчевал гостя. Вместе с Владыкой на подворье жили Игумен о. Савва, вскоре возведённый в сан Архимандрита, а в последствии ставший Епископом эдмонтонским и Западно-Канадским, и два келейника. Один монах о. Корнилий, возведённый Владыкой в сан Иеродьякона и иеромонаха, который, как отца, любил Владыку и сыновне о нём заботился. Владыка, отвечал ему тоже любовью, наставлял и покровительствовал ему. Второй был молодой человек, очень церковный и глубоко верующий, и все ожидали, что он примет монашеский постриг. Но что-то помешало ему. Незадолго до тяжкой болезни Владыки Иоасафа к нему, будто промыслом Божиим, был послан молодой человек, почти закончивший медицинский факультет, ставший келейником Владыки и посвятивший всего себя уходу за ним, трогательно заботясь о нём и облегчая, как мог, его физические страдания. Вскоре он принял от Владыки монашеский постриг, потом был возведён в сан иеродиакона и иеромонаха, а после кончины своего Аввы уехал в Северную Америку. Это — ныне здравствующий Архимандрит Анастасий (Загарский).

Воспоминания пасомых.

“К сожалению, мен не пришлось много и часто встречаться с Владыкой Иоасафом, — вспоминает М.П. — но с августа 1951 года и до самого конца земной жизни нашего доброго Архипастыря я периодически встречался с ним по делам нашего прихода. И на себе и на моих соратниках я ощущал светлое влияние Владыки, его истинно отеческое попечение о нашем малом стаде, его тёплое и живое участие в наших трудах по созданию и укреплению молодого тогда прихода, принимал его мудрые и простые советы, его радостную духовную и материальную поддержку в тяжёлые моменты. Принесённые ему протоколы он подписывал “Утверждается полностью. Благослови Бог всех потрудившихся. Архиепископ Иоасаф”... И с довольным лицом и улыбкой, излучавшими радость и удивительное расположение, вручал этот протокол нам...”

17 (30) августа 1953 года Владыка совершил закладку нашего храма, при большом стечении духовенства, гостей и прихожан, в Темперлее.

... Хочется напомнить нашим русским православным людям, что некоторые из находящихся вокруг Буэнос Айреса церквей имеют под своими престолами освященные Архиепископом Иоасафом камни. Помню, как уже во время болезни Владыки, он с радостью пожертвовал нам несколько своих икон, до сих пор украшающих наш храм и хранимых нами как память о незабвенном Архипастыре...

Вспоминает одна не очень церковная дама: “...Вот выйдет Владыка в начале обедни из алтаря, посмотрит кругом, благословляя, и кажется, что он на меня посмотрел, меня благословил, и так легко на душе станет...”

Как Владыка любил во время будничных Богослужений, стоя на клиросе, петь знаменные и киевские распевы по старинным квадратным нотам! Он привлекал и молодёжь к чтению и пению на клиросе, зная по опыту с детства, как это привязывает к церкви, роднит с нею. Службы при нём проходили бодро, отчётливо, с воодушевлением и глубоко молитвенно. Для самого Владыки ежедневные церковные службы, которые он почти никогда не пропускал, были источником сил духовных и телесных. И как он скорбел, когда из-за болезни не мог служить или присутствовать в храме. Чуть не плача, он тогда говорил: “Ведь служба для меня всё, самое главное, самое дорогое...”

Владыка был большим любителем книг и, несмотря на скудность своих средств, сумел создать довольно значительную библиотеку духовного содержания, которая в наше время, да ещё за границей, составляет большую ценность. Перед своей кончиной все свои книги Владыка завещал Аргентинской Епархии.

За своё пребывание в Аргентине Владыка не мог привыкнуть и примириться только с аргентинским климатом. Будучи северянином, да ещё при своей грузной комплекции, Владыка тяжело переносил аргентинскую влажную жару. Несмотря на свою тучность, которой Владыка очень тяготился, он имел врождённую живость характера. Он не любил никакой медлительности и долгих сборов. И если ему приходилось куда-нибудь ехать, то он задолго до назначенного времени сам надевал рясу, а если было холодно, то брал ещё и вязаный шарф, который в шутку называл “Аргентинской шубой,” клал в карман немного денег на дорогу и непременно очки и шёл к выходу. Когда его келейные замечали это и предупреждали его, что ещё рано, то Владыка только отмахивался от них: “Боюсь, чтоб не опоздать.”

Он нежно любил детей, часто посещая “Православный Русский Очаг,” при котором с самого его основания существовало детское общежитие. Приезжая сюда Владыка оставался иногда на целую неделю или больше, а для детей это был большой праздник. Сидя, окружённый детьми в глубине очаговского сада, Владыка что-нибудь рассказывал, или пел с ними песенки, или учил звонить в колокола, в чём он был настоящим мастером.

Последние дни Владыки.

Ещё в Канаде Владыка тяжело занемог, пришлось делать операцию, силы его подорвались. В Синоде, когда узнали, что Владыка болен, не сразу тому поверили: — “Кто? Владыка Иоасаф? Быть того не может!” Но сомнений не было. Подобно солженицынскому Костоглотову Владыка сам изучил свою болезнь по где то им добытым медицинским книгам и убедился, что у него рак. Однако, от этого он не впал в уныние, а принял свой недуг с достойным христианским смирением и покорностью воле Божьей, что отчасти отразилось в им составленном каноне Святителю Иоасафу Белгородскому. В Аргентине он смеясь говорил, со свойственным ему юмором: “Врачи в Канаде меня уже приговорили, что, мол, не больше 2-3 месяцев проживу, а я их обманул, вот уже несколько лет живу!” После второй операции, уже в Аргентине, его главным образом удручала не сама болезнь, не страдания, а невозможность служить. После операции Владыка ещё около двух лет был полон энергии, живо вникал во все дела Епархии, особенно радуясь храмостроительству, которое он всячески поощрял. В середине марта 1955 года его постиг первый удар, повторившийся с большей уже силой через неделю; положение больного

стало критическим. Весть о болезни Владыки быстро распространилась по городу и его окрестностям. Все устремились в церкви. Была крестопоклонная суббота. При переполненных храмах служились молебны о здравии. Редко ощущалась такая сила молитвы, как тогда! Потому она и дошла до Господа! Уже в воскресенье днём Владыке немного полегчало, и потом медленно, но верно дело пошло на поправку. Уже в Вербную субботу, хотя и с трудом, Владыка смог совершить постриг своего келейника, своего последнего постриженника, о. Анастасия. Особенным же утешением для всех верующих была Пасхальная служба, которую возглавил Владыка. Пренебрегая запрещением врачей он остался служить Литургию и всем не верилось, что он недавно был на краю смерти, все смотрели на него, как на некое чудо, окрыляясь надеждой, что он ещё поправится и ещё послужит.

До первого удара Владыка будучи в горах Кордобы купил участок земли в посёлке Ля Больша, где постоянно бывало много русских. Вскоре он там заложил и распорядился строить маленький домик и утвердил проект миниатюрной церковки. Он сильно желал поселиться там на покое. Как-то он, указывая на висевшее у него изображение будущей церковки, сказал: “Это моя мечта. Вот, если Бог даст, поправлюсь, три колокола туда куплю. Такой трезвон устрою!” В мечтах он видел там уже и монашескую обитель. В июне он совершил ещё закладку храма в Православном Русском Очаге. Когда, в Успенский пост, он осматривал начатую постройку, то с грустью сказал: “Этого храма я уже не увижу.” И как раз там, спустя два дня, его постиг третий удар, который, однако, ещё не окончательно сломил его могучий организм. Но Владыка уже с тех пор больше не выходил. Он охотно принимал посетителей, с любовью и радушием беседовал с ними, наставлял, рассказывал поучительные случаи, по своему обычаю шутил и этим ободрял и утешал всех. Но всё больше ему приходилось лежать, и это, пожалуй, было, тяжелее самой болезни. Бывало, с усмешкой он говорил: “Ну, что ж, надо опять потрудиться. Лежать для меня самый тяжёлый труд!” Все страдания, связанные с его длительной болезнью, он переносил безропотно, терпеливо, не жалуясь и стараясь причинять поменьше беспокойства другим. Только своему любимому авве, покойному Архиепископу Феофану Полтавскому, он однажды, — как сам рассказывал, — пожаловался: “Говорю ему: Владыка, тяжело мне, помолись за меня, уже давно тебя не видел, хоть бы во сне посмотреть на тебя!” — и исполнил мою просьбу мой любимый наставник. Когда мне было особенно плохо, снится мне, что он подходит к моей постели, стоит надо мной и долго с любовью смотрит на меня, но так мне ничего и не сказал. А рядом стоял новый митрополит, но незнакомый. После этого сна мне стало легче!”

Часто Владыка говорил: “Что здесь — не важно, главное — что там! Если бы только знать, что самый маленький уголочек Царства Небесного унаследуешь, то хоть сегодня бы умереть. Что наша земная жизнь? Ничто!”

Как-то раз Владыка надоумил старосту, что он как канадский подданный имеет право быть похороненным на английском кладбище, где тогда ещё можно было купить место на 99 лет.

В те тревожные дни болезни Владыки прихожане всех приходо́в всячески старались проявить свою любовь и заботу о нём. В последние дни молодые люди, его любимые иподьяконы, дежурили по ночам у него. Совсем незадолго до смерти он сказал посетившему его батюшке, поздравляя его с наступающим днем Ангела: “А именин я вам не испорчу — уж после умру.” Та к и вышло — Владыка скончался 5 дней спустя.

За эти три месяца Владыка соборовался, часто причащался. На дому у него совершали разные службы. В течении месяца Владыке было то лучше, то хуже. А в жаркие душные дни ему особенно становилось тяжело. За пять дней до кончины произошёл четвёртый удар, который был последним. 22-го числа он, еле говоря, исповедался и причастился Св. Тайн. Последние, ясно связанные им слова были: “Спаси вас всех Христос.” Хочется верить, что он имел в виду не только его окружающих лиц, но и всех нас, его духовных чад Канады и Аргентины. Затем Владыка уже не приходил в себя, дыхание понемногу затихало, пока Господу не было угодно принять его светлую душу. Тайна смерти совершилась в субботу 13/26 ноября 1955 года в 6 часов 40 минут, в день памяти особенно чтимого Владыкой Святителя Иоанна Златоуста, в день, когда 43 года тому назад, он, приняв монашеский постриг, вступил на путь своего всежизненного подвига. Отпевание было торжественным, как бы праздничным. Собралось всё местное духовенство. Было воскресенье и народу собралось огромное количество, как на Пасху. Всенощная и воскресная Литургия служились архиерейским чином. От всего этого было грустно, ибо подчёркивалось физическое отсутствие дорогого Архипастыря, но вместе с тем утешало сознание, что он своей светлой, любящей душой здесь с нами... После литургии сразу же началось дивное по своему содержанию монашеское отпевание. Особенно поразили а нём слова, сказанные как бы самим усопшим — спасайтесь, братие! — так-как именно это Владыка повторял часто при всяком удобном случае: “Главное — спасайтесь!” Перед “прощанием” Настоятель сказал тёплое, сердечное надгробное слово, в котором он перечислил все Заповеди Блаженства, и оказалось, что все их умерший исполнял.

Многие потом вспоминали, что в последнее “Прощённое воскресенье” Владыка, как всегда, просил у всех прощение, а затем как-то особенно подчеркнул, что всем, всем, кто его хоть как-то обидел или огорчил, — он прощает. “Всех прощаю!” — повторил он снова с каким-то волнением. Огромное множество народа, съехавшегося со всех концов города, подходило прощаться со своим почившим Архиепископом, — целовали митру и правую руку, державшую простой деревянный крест, сохранившийся с пострига, а в левой руке было старенькое, потрёпанное Евангелие.

Литургия и отпевание длились 5 часов при 38-ми градусной жаре в полуподвальном помещении храма.

В понедельник перед Литургией панихиду пели дети из детского общежития в Русском Очаге, куда Владыка часто ездил. После заупокойной Литургии гроб был перенесен на катафалк и провожаемый длинной вереницей автомобилей повез тело на Британское кладбище, где и был захоронен.

У Господа нет живых и мёртвых, а все живы, и все мы вместе составляем одну Христову Церковь. Будем же просить Пастыряначальника Христа, чтобы Он молитвами нашего почившего Архипастыря утвердил в нас веру, не дал бы нам отпасть от истинной Церкви.

Запечатленный словами боговдохновенных церковных песнопений сияет незабвенный облик Святителя Божия и церковного песнотворца Архиепископа Иоасафа: “По имени твоему, так и житие твое; спросия бо седине разум, свидетельствовавше светлость лица твоего душевное незлобие, извествоваше кротость слова молчаливое. Жизнь твоя — славная, и успение — со святыми; моли о душах наших!”

Слова Владыки в памяти пасомых.

Бесконечная доброта к людям, понимание слабостей человеческой природы, глубокая вера в безграничное милосердие Божие, полное незлобие — вот что, прежде всего, чувствовал каждый, слушающий Владыку.

“Никого не осуждайте. Может быть, этого человека Господь уже простил, а вы осудили”...

“Согрешил человек, упал, но не оставайся лежать в грехе. Встань и покайся. Господь милосердный всё прощает.”

И сам он никогда никого не осуждал. Для него все люди были равны. Он одинаково принимал всех, — будь то человек общества или простолюдин.

Он часто говаривал: “Здесь-то я Архиерей, князь Церкви, а там... — показывал он рукой на небо, — неизвестно кем буду.” На заданный однажды вопрос, как достичь, как стяжать настоящую простоту, Владыка ответил: “Да так, будьте со всеми искренни, откровенны без лицемерия и достигнете простоты.”

По вопросу веры и нашего спасения, владыка говорил: “Главное, чтобы сохранить правильное направление и не сбиться с пути, который ведёт в Царствие небесное.”

Кто не помнит горячих проповедей почившего Архиепископа Иоасафа с церковного амвона.

“Сказано: не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в них же нет спасения!” — Или вы думаете, что вас спасут Соединённые Штаты Америки? Страна, где статистические данные показывают, что 70 миллионов современных американцев засвидетельствовали себя атеистами, не принадлежащими ни к какой религии, а остальная часть ушла и коснеет во всевозможном сектантстве?” — говорит Владыка.

“Помните, православные, единственное, что может спасти Россию, это молитва и покаяние”! Чуть ли ни единственный раз видели молящиеся своего Архипастыря плачущим, когда он говорил об этом в своей проповеди.

Детская религиозность Владыки выросла в глубокую сильную веру, основанную на учении Церкви. Это послушание и привычка к внутренней и внешней дисциплине корнями тоже уходят в детские годы. Мы искренно удивлялись, как это Владыка, больной, вскоре после серьёзной операции решил бросить Канаду, ставшую ему почти родиной, где и климат был для него особенно подходящим. Он отвечал на это: “А что-ж было делать? Я ведь монах, послушание на первом месте: сказали ехать, я и поехал, а там — что Бог даст! На все Его Святая Воля!”

Да, была видно Господня Воля на то, чтобы аргентинской пастве испытать на себе благотворную, всенепорочную и умиротворяющую любовь незабвенного Владыки Иоасафа, силу молитвенной помощи, его заботливого участия в горе и чутких советов в недоумениях и сомнениях.

Два рассказа Владыки.

Однажды, Владыка, вспоминая о сне-видении, которое он видел после кончины своего духовного руководителя, Архиепископа Феофана Полтавского, рассказал:

“После смерти моего любимого наставника я сильно скорбел, много молился о нём...”

И вот, в ночь на 40-й день после его кончины, снится мне — стою я перед величественным храмом, из которого после службы выходят множество архиереев. Я

узнаю великих святителей — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и многих других; вдруг среди них вижу — мой Владыка Феофан! Подбегаю к нему — “Владыка святой, откуда Вы?” — Да вот только что соборне служили литургию. Идём с нами.” Я пошёл. Все уместились в обширном не-то автомобиле, не-то лодке, которая стала, как бы плыть по воздуху. Мимо нас проходили холмы, леса, долины неописуемой красоты, дивные храмы и монастыри. Мой авва показывал мен на эти обители и рассказывал их судьбы: “Этот вот спасётся, а вот тот, там внизу, в долине, тот погибнет страшно смотреть”! А кругом нас всё прекрасные сады, дивное благоухание. Я с восхищением смотрю, не насмотрюсь, даже спросил своего Владыку, нельзя ли сфотографировать такую красоту, а он улыбнулся и говорит: “Ну, попробуй”!

Долго мы так неслись по воздуху среди этого благолепия. Наконец я не выдержал и спросил: “А где же мы?” Владыка Феофан мне ответил: “Да как же ты не понимаешь — в раю!”

С тех пор я успокоился, поняв, что мой наставник удостоился вечного блаженства”...

Вспоминается ещё один рассказ Владыки Иоасафа, в котором он с большим душевным волнением повествовал о своей племяннице Наташе, 12-ти летней девочке. Наташа, живя со своими родителями в Сов. Союзе, долго и тяжело болела тифом, но удивительно терпеливо переносила свои страдания, никогда не жалуясь. Однажды, уже совсем ослабев, она выразила желание причаститься, зная, что скоро должна умереть. Родители пытались разубедить её в этом, но она настаивала на своём, говоря, что Божия Матерь и св. преп. Серафим Саровский её об этом предупредили. Отправились искать священника, но не так-то просто было найти “тихоновского,” а не официально признанного “живоцерковника.” Но всё же удалось вовремя причастить девочку, а она тем временем просила помыть её и переодеть во всё чистое. Причастившись, она поднялась, попросила поесть, (хотя давно уже не могла принимать пищу), даже встала. Родители ободрились, но она всё следила за временем и за полчаса до указанного ей в видении срока легла и стала прощаться со всеми близкими. Её снова пытались убедить, что она ошибается, что вот ей после причастия стало лучше, но она твердила своё и уверяла, что вот-вот за ней должны прийти. Вдруг она встrepенулась и радостно воскликнула: “Вот идут!” — “Кто идёт?” — спросили её, — “Божия Матерь и преподобный Серафим!” С этими словами улетела её светлая душа.

“ Я тогда писал брату” — говорил Владыка, — что теперь они имеют свою молитвенницу перед Господом!”

Вспоминает Архиепископ Феодосий, что несколько раз было видение Архиепископа Иоасафа вскоре после его кончины. Также о. Амвросий передавал о. Макарию, что Владыка Иоасаф являлся ему наяву: первый раз — во время келейного правила, а во второй раз — во время Богослужения в алтаре, как живой, но в прозрачном одеянии, и благодарил его за то, что поминает его родителей. О. Амвросий определил Владыку Иоасафа как хранителя, притом твёрдого, канонической чистоты и не повреждённости церковной. Со слов о. Амвросия, Владыка Иоасаф был преисполнен любви ко всем, был весьма прост и невзыскателен. А простота должна быть отличительным качеством каждого священнослужителя, по определению Св. Праведного Иоанна Кронштадского.

Архимандрит Константин вспоминает о Владыке Иоасафе.

Одним из первых в США знакомств моих в среде архипастырей был Владыка Иоасаф в Сан Франциско, куда приезжал он из Канады в короткое моё там пребывание. Сразу особенно полюбилась мне его грузная, исполненная невыразимого добродушия, и внутренней радостью растворённого смирения фигура. Никто, кажется, так уютно не молчал, как он; а если скажет — рублём одарит. Иногда и расскажет что — подробно, обстоятельно, неторопливо — и опять замолчит. И как то он всегда доступен: как ни поздно, — он не лёг, как ни рано, — он уже встал... Мягкость, приветливость, уступчивость, непритязательность — предельные. Кажется, ни в чём никогда отказа никому не будет, и ни на чём Владыка настаивать не станет. И только постепенно и невзначай рождалось из бесед с Владыкой сознание непреклонной, несгибаемой силы. Раскрывалось постепенно, какую ношу в этом отношении должен был порою поднимать на свои могучие плечи этот спокойный богатырь. Не только воплощение физической силы было перед нами. — А какова была эта сила, помню рассказ Владыки, как во Франции торопливо шёл он к поезду с двумя большими чемоданами в руках и как сел от неожиданности носильщик, на лету подхвативший один из чемоданов — он был полон книгами. Редко мне приходилось встречать человека, так уверенно, спокойно, невозмутимо, органически преданного нашей Зарубежной Церкви — без всяких послаблений, без всяких оговорок, вне всяких колебаний. И другое ещё становилось ясным: глубокая богословская культура, присущая Владыке Иоасафу. Он был прост в слове — не только обыденном, но и с амвона. Молчаливость была частью его природы. Но за отсутствием словоохотливости лежала не бедность, а своеобразное богатство, которым и сам Владыка жил и которым готов был щедро поделиться с другими. Чувствовался во Владыке Иоасафе и педагог духовный. Узнал я потом, что ученики его по Корпусу в Югославии, где он преподавал, души в нём не чаяли и память о нём хранили буквально благоговейную.

Каждая смерть в наше время — есть брешь, есть утрата невознаградимая — богатыри уходят, а кто на смену?! Истинный богатырь был ушедший от нас Владыка, и память о нём крепко запечатлеется в нас всех, его соратниках, как о вожде, который сам себя не пожалел бы и за собою всех повёл бы в деле отстаивания нашей Правды. Ушёл боец, и молитвенная память о нём должна для нас сливаться нераздельно с заветом непримиримости со злом и крепкого стояния за Правду.

Владыка Иоасаф обладал также незаурядными способностями поэта. К сожалению, объёмистая тетрадь со стихотворениями его, оставшаяся в библиотеке, утрачена.

Миссионерский Листок # А 42
Свято-Троицкая Православная Миссия
Copyright © 2004, Holy Trinity Orthodox Mission
466 Foothill Blvd, Box 397, La Canada, Ca 91011, USA
Редактор: Епископ Александр (Милеант)

(.doc, 02-15-2004)

Edited by	Date